
ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагая просвещенному вниманию любителей отеческих писаний перевод на русский язык книги поучений преподобного аввы Дорофея, считаем не излишним сказать несколько слов о сем издании.

Перевод сей сделан с греческой книги, изданной в Венеции в 1770 году и тщательно сличен со славянским переводом, который совершен еще в начале XVII столетия и издан первый раз в Киево-Печерской лавре архитипографом оной, иеросхимонахом Памвою Берындю в 1628 году*, а ныне печатается без всякой

* В послесловии сей книги между прочим сказано, что она «исправися от древнего истиннаго и славнаго еллиногреческаго диалекту всечестным иеромонахом Кир Иосифом, протосингелом Святейшаго Великаго Престола Александрийскаго и поклонником Святых Земель Палестины и Синая. Вину же сему подаде иже в священноиноцех всечестный господин отец Кир Памво Берында, протосингел Иерусалимский и архитипограф святыя Киево-Печерския Лавры, иже и многолетне о сей душеполезней вещи попечеса, и ныне много помощию Божию потрудися в исправлении (типографским делом) с славенскаго языка».

4 перемены при славянском переводе трудов св. Ефрема Сирина, составляя четвертую часть оных. Через сие сличение все неудобопонятные места славянского перевода (для большей части читателей темного уже по самой древности языка и некоторым особенностям выражений) получили надлежащее исправление, а те места греческого текста, которые оказались особенно несходными со славянским переводом, выставлены нами в подстрочных примечаниях, где помещены также и немногие необходимые пояснения.

Вместо нескольких вопросов и ответов на них святых старцев Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, которые печатались обыкновенно в славянских изданиях книги преподобного Дорофея, мы поместили здесь все письменные беседы между великими старцами и достойным учеником их преподобным Дорофеем, какие только дошли до нас в книге ответов святых Варсонофия и Иоанна.

Мы старались, чтобы перевод наш был сделан сколько возможно точнее, ближе к подлиннику, и в то же время был прост, ясен и удобовразумителен для каждого, дабы соблюсти таким образом и в переводе те особенные свойства поучений преподобного Дорофея, о коих упомянуто в послании о сей книге, где между прочим сказано, что хотя преподобный и высок был по дару слова, но, желая и в этом явить собою пример смиренномудрия, он предпочитал везде смиренный и простой образ выражения и невитиеватость речи.

Охотно сознаемся, что при всем старании нашем и в этом слабом труде, как во всех делах человеческих,

конечно, найдется много недостатков; потому и просим благочестивых читателей покрыть сии недостатки христианской любовью и благосклонно принять это новое издание высокодуховных поучений преподобного Дорофея.

Не только иноки, но и все христиане вообще найдут здесь много душеполезных советов и наставлений. Соединяя в своих поучениях глубокое видение сердца человеческого с христианскою простотою, преподобный Дорофей предлагает ясное духовное зеркало, в котором каждый может увидеть самого себя и вместе найти разумление и совет, как исправить свои душевные немощи и мало-помалу достигнуть чистоты и бесстрастия.

Краткие сведения о жизни преподобного Дорофея мы заимствовали частью из его же собственных слов и вопросов святым старцам, частью из книги: *Les vies des pères des déserts d'orient avec leur doctrine spirituelle et leur discipline monastique*. Avignon, 1761.

Краткое сказание о преподобном Дорофее

Мы не имеем оснований для точного определения времени, в которое жил преподобный Дорофей, более известный в качестве писателя. Приблизительно же можно определить оное свидетельством схоластика Евагрия, который в своей церковной истории, писанной, как известно, около 590 года, упоминает о современнике

6 и наставнике преподобного Дорофея, великом старце Варсонуфии, говоря, что он «еще живет, заключившись в хижине»¹. Отсюда можно заключить, что преподобный Дорофей жил в конце VI и начале VII века. Предполагают, что он был родом из окрестностей Аскалона². Раннюю молодость свою он провел в прилежном изучении светских наук. Это видно из собственных слов его, помещенных в начале 10-го поучения, где преподобный говорит о себе: «Когда я обучался светским наукам, мне казалось это сначала весьма тягостным, и когда я приходил взять книгу, я был в таком же положении, как человек, идущий прикоснуться к зверю; когда же я продолжал понуждать себя, Бог помог мне, и прилежание обратилось мне в такой навык, что от усердия к чтению я не замечал, что я ел или пил, или как спал. И никогда не позволял завлечь себя на обед с кем-нибудь из друзей моих и даже не вступал с ними в беседу во время чтения, хотя и был общителен и любил своих товарищей. Когда философ отпускал нас, я омывался водою, ибо иссыхал от безмерного чтения и имел нужду каждый день освежаться водою; приходя же домой, я не знал, что буду есть, ибо не мог найти свободного времени для распоряжения касательно самой пищи моей, но

¹ См. церковную историю Евагрия схоластика. СПб., 1853. Ч. 4. Г. 33.

² Les vies des pères des déserts d'orient. T. 2. P. 508.

у меня был верный человек, который готовил мне, что он хотел. А я ел, что находил приготовленным, имея и книгу подле себя на постели, и часто углублялся в нее. Также и во время сна она была подле меня на столе моем, и, уснув немного, я тотчас вскакивал для того, чтобы продолжать чтение. Опять вечером, когда я возвращался домой, после вечерни, я зажигал светильник и продолжал чтение до полуночи и вообще был в таком состоянии, что от чтения вовсе не знал сладости покоя».

Учась с такой ревностью и усердием, преподобный Дорофей приобрел обширные познания и развил в себе природный дар слова, как о сем упоминает неизвестный писатель послания о книге его поучений, говоря, что преподобный «был высок по дару слова» и подобно мудрой пчеле, облетая цветы, собирал полезное из сочинений светских философов и предлагал это в своих поучениях для общего назидания. Может быть, и в этом случае преподобный следовал примеру св. Василия Великого, наставления которого он изучал и старался исполнять на самом деле³. Из поучений преподобного Дорофея и его вопросов святым старцам ясно видно, что он хорошо знал произведения языческих писателей, но несравненно более писания святых отцов и учителей Церкви: Василия Великого, Григория Богослова,

³ См. ниже: Вопросы преподобного Дорофея. Вопросы 67-й и 68-й.

Иоанна Златоустого, Климента Александрийского и многих знаменитых подвижников первых веков христианства; а сожителство с великими старцами и труды подвижничества обогатили его опытным знанием, о чем свидетельствуют его поучения.

Хотя мы и не знаем о происхождении преподобного, но из бесед его с великими старцами видно, что он был человек достаточный и еще прежде вступления в монашество пользовался наставлениями знаменитых подвижников: святых Варсонофия и Иоанна. Это оказывается из ответа, данного ему св. Иоанном на вопрос о раздаче имения: «Брат! На первые вопросы отвечал я тебе как человеку, еще требовавшему млека. Теперь же, когда ты говоришь о совершенном отречении от мира, то слушай внимательно, по слову Писания: *...разшири уста твоя, и исполню я*» (Пс 80, 11)⁴. Из этого очевидно, что св. Иоанн давал ему советы еще прежде совершенного отречения от мира. К сожалению, до нас не дошли все сии душеполезные слова святых старцев. Мы имеем только те из них, которые сохранились в книге ответов святых Варсонофия и Иоанна.

Не знаем, какая причина побудила преподобного Дорофея оставить мир, но, рассматривая его поучения и в особенности вопросы святым старцам, можно заключить, что он удалился из мира, имея в виду только одно — достигнуть евангельского совершенства через

⁴ См. ниже вопрос 1-й.

исполнение заповедей Божиих. Он сам говорит о святых мужах в 1-м поучении своем: «Они поняли, что, находясь в мире, не могут удобно совершать добродетели, и измыслили себе особенный образ жизни, особенный образ действия — я говорю о монашеской жизни — и начали убежать от мира и жить в пустынях».

Вероятно, на эту решимость имели благодетельное влияние и беседы святых старцев, ибо, поступив в монастырь преподобного Серида, Дорофей немедленно предал себя в совершенное послушание св. Иоанну Пророку, так что ничего не позволял себе делать без его совета⁵. «Когда я был в общежитии, — говорит о себе преподобный, — я открывал все свои помыслы старцу авве Иоанну и никогда, как я сказал, не решался сделать что-либо без его совета. Иногда помысел говорил мне: «Не то же ли (самое) скажет тебе старец? Зачем ты хочешь беспокоить его?» А я отвечал помыслу: «Анафема тебе, и рассуждению твоему, и разуму твоему, и мудрованию твоему, и ведению твоему, ибо что ты знаешь, то знаешь от демонов». Итак, я шел и вопрошал старца. И случилось иногда, что он отвечал мне то самое, что у меня было на уме. Тогда помысел говорил мне: «Ну что же? Видишь, это то самое, что и я говорил тебе: не напрасно ли беспокоил ты старца?» А я отвечал помыслу: «Теперь оно хорошо, теперь оно от Духа Святого; твое же внушение лукаво, от демонов, и было делом страстного состояния

⁵ См. поучение 5-е.

10 души». И так никогда не попускал я себе повиноваться
 своему помыслу, не вопросив старца».

Воспоминание о большом прилежании, с которым преподобный Дорофей занимался светскими науками, поощряло его и в трудах добродетели. «Когда я вступил в монастырь, — пишет он в 10-м поучении своем, — то говорил сам себе: если при обучении светским наукам родилось во мне такое желание и такая горячность и оттого, что я упражнялся в чтении, оно обратилось мне в навык, то тем более будет так при обучении добродетели, и из этого примера я почерпал много силы и усердия».

Картина его внутренней жизни и преуспеяния под руководством старцев открывается нам отчасти из его вопросов к духовным отцам и наставникам в благочестии; а в поучениях его находим некоторые случаи, свидетельствующие о том, как он понуждал себя к добродетели и как преуспел в ней. Обвиняя всегда самого себя, он старался покрывать недостатки ближних любовью и проступки их в отношении к нему приписывал искушению или незлонамеренной простоте. Так, в 4-м поучении своем преподобный приводит несколько примеров, из которых видно, что, будучи сильно оскорбляем, он терпеливо переносил это и, проведя, как он сам говорит, в общежитии девять лет, никому не сказал оскорбительного слова.

Послушание, назначенное ему игуменом Серидом, состояло в том, чтобы принимать и успокаивать странников, и здесь не раз выказывалось его великое тер-

11 пение и усердие к служению ближним и Богу. «Когда я был в общежитии, — говорит о себе преподобный Дорофей, — игумен с советом старцев сделал меня странноприимцем, а у меня незадолго перед тем была сильная болезнь. И так бывало: вечером приходили странники, и я проводил вечер с ними; потом приходили еще погонщики верблюдов, и я служил им; часто и после того, как я уходил спать, опять встречалась другая надобность, и меня будили, а между тем настаивал и час бдения. Едва только я засыпал, как канонарх уже будил меня; но от труда или от болезни я был в изнеможении, и сон опять овладевал мною так, что, ослабленный от жара, я не помнил сам себя и отвечал ему сквозь сон: «Хорошо, господин, Бог да помянет любовь твою и да наградит тебя; ты приказал — я приду, господин». Потом, когда он уходил, я опять засыпал, и очень скорбел, что опаздывал идти в церковь. А как канонарху нельзя было ждать меня, то я упросил двух братьев, одного — чтобы он будил меня, другого — чтобы он не давал мне дремать на бдении, и поверьте мне, братия, я так почитал их, как бы через них совершалось мое спасение, и питал к ним великое благоговение»⁶. Подвизаясь таким образом, преподобный Дорофей достиг высокой меры духовного возраста и, будучи сделан начальником больницы, которую брат его устроил в монастыре преподобного Серида, служил для всех

⁶ См. поучение 11-е.

12 полезным примером любви к ближнему и в то же время врачевал душевные язвы и немощи братии.

Глубокое смирение его выражается и в самых тех словах, которыми он говорит о сем в 11-м поучении своем: «Когда я был в общежитии, не знаю, как братия заблуждались (касательно меня) и исповедовали мне помышления свои, и игумен с советом старцев велел мне взять на себя эту заботу». Под его-то руководством преуспел в столь краткое время и тот простосердечный делатель послушания Досифей, описанию жизни которого посвящено несколько особых страниц сей книги. Имея с самого поступления в монастырь наставником своим св. Иоанна Пророка, преподобный Дорофей принимал от него наставления, как из уст Божиих, и считал себя счастливым, что в бытность свою в общежитии удостоился послужить ему, как сам он говорит об этом в поучении своем о божественном страхе: «Когда я еще был в монастыре аввы Серида, случилось, что служитель старца аввы Иоанна, ученика аввы Варсонофия, впал в болезнь, и авва повелел мне служить старцу. А я и двери келлии его лобызал извне с таким же чувством, с каким иной поклоняется честному кресту, тем более был я рад служить ему». Подражая во всем примеру святых подвижников и исполняя делом благодатные наставления отцов своих: Великого Варсонофия, Иоанна и игумена Серида, преподобный Дорофей был, несомненно, и наследником их духовных дарований. Ибо Промысл Божий не оставил его под спудом неиз-

вестности, но поставил на свещнике настоятельства, тогда как он желал уединения и безмолвия, что видно из его вопросов старцам⁷.

По кончине аввы Серида и св. Иоанна Пророка, когда общий наставник их Великий Варсонофий совершенно заключился в своей келлии, преподобный Дорофей удалился из общежития аввы Серида и был настоятелем. Вероятно, к этому времени относятся поучения, говоренные им своим ученикам; эти поучения (в числе 21) и несколько посланий составляют все, что осталось нам в наследие от писаний преподобного, хотя свет учения его распространялся не только в обителях иноческих, но и в миру, ибо многие, привлекаемые славою его подвигов и добродетелей, прибегали к нему за советами и наставлениями, о чем свидетельствует неизвестный писатель послания, служащего предисловием к его поучениям (который, как можно судить по содержанию его послания, знал лично преподобного Дорофея и, вероятно, был учеником его). Он говорит, что преподобный, сообразно с дарованием, данным ему от Бога, исполнял святое и мирносное служение равным образом в отношении к богатым и нищим, мудрым и невеждам, женам и мужам, старцам и юным, скорбящим и радующимся, чужим и своим, мирским и монахам, властям и подвластным, рабам и свободным — он всем постоянно был все и приобрел очень многих.

⁷ См. ниже вопрос 63-й и прочее.

14 К крайнему сожалению, до нас не дошло полного жизнеописания сего великого подвижника, которое, без сомнения, было бы весьма назидательно. Выбрав из его собственных писаний то небольшое, что мы теперь предложили читателям, считаем нелишним присо-
вокупить к сему и свидетельство св. Феодора Студита о подлинности и чистоте писаний преподобного Дорофея. В завещании своем св. Феодор говорит о сем так: «Принимаю всякую богодухновенную книгу Ветхого и Нового Завета, также и жития и божественные писания всех богоносных отцов, учителей и подвижников. Говорю же сие ради умовредного Памфила, который, придя с востока, оклеветал оных преподобных отцов, то есть Марка, Исаию, Варсонофия, Дорофея и Исихия; не тех Варсонофия и Дорофея, которые были единомышленны с акефалитами и с так называемым Декакератом (десятерогим) и были за сие преданы анафеме святым Софронием в его книге, ибо сии совершенно отличны от вышеупомянутых мною, которых я, по преданию отцов, принимаю, вопросив о сем священноначальствовавшего святейшего патриарха Тарасия и других достоверных восточных отцов; да и в учениях вышеупомянутых отцов я не нашел не только ни малейшего нечестия, напротив, многую душевную пользу»⁸. Согласно с сим свидетельствует и другой древний писа-

⁸ Завещание св. Феодора в книге огласительных поучений его. М., 1858. С. 279–280.

15 тель — Нил, слова которого напечатаны в виде предисловия в книге поучений преподобного аввы Дорофея, в греческом подлиннике и в славянском его переводе. «Известно да будет, — говорит он касательно сей душеполезной книги, — что было два Дорофея и два Варсонофия: одни недуговавшие учением Севира, а другие по всему православные и достигшие совершенства в подвигах (благочестия); сии-то самые и упоминаются в предлежащей книге, почему мы и принимаем оную с любовью как произведение сего аввы Дорофея блаженного и достославного в отцах».

**Послание о книге сей
к брату, просившему, чтобы прислали
ему найденные слова преподобного
отца нашего аввы Дорофея,
которому и похвала здесь содержится
с кратким его жизнеописанием
и сказание о жизни аввы Досифея**

Хвалю твое усердие, ублажаю твою благословенную и поистине добролюбивую душу за тщание о благом, многолюбезный брат. Ибо так трудолюбиво испытывать и истинно хвалить сочинения и дела блаженного поистине и богодостойного отца нашего, дару Божию тезоименитого, значит хвалить добродетель, любить Бога и заботиться об истинной жизни. Похвала, по словам блаженного Григория, рождает соревнование,